

Глава 1

ЭДИНБУРГ, ШОТЛАНДИЯ, 1844

Я запомнила их обвинения, все до единого.

Убийца... Это ее рук дело... Ее нашли склонившейся над телом матери, всю в крови...

За моей спиной собрались в стайку несколько дамочек, их платья соприкасаются, головы склоняются друг к другу. Общая сцена для всех балов, на которых я побывала с тех пор, как две недели назад сняла траур. Но их замечания все еще ранят, и не важно, как часто я их слышу.

— Говорят, отец застал ее сразу после случившегося.

Я отхожу от автомата для разливания пунша. Панель золотого цилиндрического устройства открывается сбоку. Высовывается металлическая рука, подхватывает из-под трубочки мою фарфоровую чашку и возвращает ее на стол.

— Но не можете же вы верить, что она виновата! — произносит вторая леди. Она стоит достаточно далеко, и я с трудом различаю ее слова в шуме заполненной людьми залы. — Мой отец говорит, что она, должно быть, видела, что произошло, но, безусловно, вы не считаете, что...

— Что ж, мой брат присутствовал в прошлом году на ее дебюте, и он сказал, что она была полностью покрыта... и по локоть в... Пожалуй, я не буду продолжать. Слишком ужасно.

— Власти настаивают на нападении животного. Даже маркиз Дуглас подтвердил это.

— Он не мог обвинить собственную дочь, не так ли? — отвечает первая. — Ему следовало бы отправить ее в сумасшедший дом. Вы знаете, что она...

Ее голос опускается до шепота, и конец фразы расслышать не получается.

Я сжимаю ткань своего платья. Если бы не толстый шелк, мои ногти впились бы в кожу. Это все, что я могу сделать, чтобы не выхватить пистолет, спрятанный под нижней юбкой.

«Ты в порядке, — говорю я себе. — Ты не злишься. Это всего лишь стайка тупиц, которые не стоят того, чтобы на них злиться».

Но тело меня не слушается. Я сжимаю зубы и отпускаю платье, чтобы прижать большой палец к ускорившемуся пульсу на запястье. Сто двадцать ударов спустя он все еще не замедляется.

— Итак, — слышу я голос рядом со мной. — Ты собираешься взять немного пунша или будешь весь оставшийся вечер рассматривать автомат?

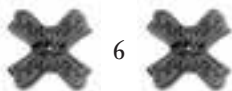
Моя подруга, мисс Кэтрин Стюарт, награждает меня ободряющей улыбкой. Она, как и всегда, прекрасна в шелковом платье цвета розовых роз. Ее белокурые локоны, идеально уложенные, блестят в свете ламп, когда она наклоняется, берет со стола чистую чашку и протягивает мне.

Мое дыхание стало вполне различимо рваным. Совершенно раздражающая подробность. Я надеюсь, что она этого не заметит.

— Рассматривание неодушевленных предметов в последнее время стало моим любимым времяпрепровождением, — говорю я.

Она неторопливо разглядывает меня.

— О! А мне показалось, что ты прислушиваешься к разговору по ту сторону стола с напитками.

Стайка дамочек дружно ахает. А я задумываюсь о том, какую вину мне припишут на этот раз, — помимо очевидной, конечно же.

Нет, лучше не думать об этом. Если продолжу, мне придется прибегнуть к угрозам телесных повреждений, я могу даже вытащить пистолет. А если я его вытащу, меня *действительно* упекут в сумасшедший дом.

Я подношу чашку под трубочку и нажимаю на кнопку автомата сильнее, чем следует. Клубы пара бьют вверх, пунш льется, наполняя чашку почти до краев. Я делаю глоток.

Вот ведь черт! Пока что ни единого намека на виски. Наверняка же кто-то принес его во фляге, чтобы спасти всех нас от скучной беседы. Кто-то всегда так поступает.

— Нет остроумного ответа? — спрашивает Кэтрин, прищелкнув языком. — Должно быть, тебе нездоровится.

Я смотрю на сплетниц. Три юные леди одеты в почти неотличимые платья, каждое из которых украшено разноцветными лентами и цветочными узорами. И ни одной из них я не знаю. У той, что шептала, темные волосы убраны с лица и зачесаны назад, только одинокий локон спадает на плечо.

Она встречается со мной взглядом. И поспешно отводит глаза, что-то шепча своим собеседницам, которые еще пару мгновений глядят на меня, прежде чем отвернуться. Достаточно долго глядят, чтобы я заметила, как их черты искажает потрясение, слегка приправленное злобой.

— Ты только взгляни на них, — говорю я. — Тебе не кажется, что эти дамы готовы к кровопролитию?

Кэтрин прослеживает мой взгляд.

— Мисс Стэнли всегда готова. И если глаза меня не обманывают, ее когти уже выпущены. Ты смогла разобрать, что она говорила?

Я выдыхаю громче, чем следует, и пытаюсь успокоиться. Внутри меня есть место для гнева — могила, которую

я выкопала, чтобы похоронить его глубоко внутри. Этот ежедневный контроль помогает мне вести себя подобающим образом и ослепительно улыбаться, даже изображать вынужденный звонкий смех, который отчасти скучен, даже глуп. Я никогда не смогу показать настоящую себя. Если я это сделаю, они поймут, что я намного ужаснее той женщины, которую они себе придумали.

Призвав все свое самообладание, я отпиваю еще пунша.

— Что я само олицетворение грации, — язвительно отвечаю я. — Тебе хорошо известно, что она сказала.

— Чудесно! — Кэтрин разглаживает подол своего розового платья. — Я отойду, чтобы защитить твою честь. Жди моего триумфального возвращения.

Я преграждаю ей путь.

— Нет. Я предпочитаю, чтобы ты этого не делала.

За год, проведенный в трауре, я, очевидно, подзабыла изящное искусство изысканного оскорбления. Прежняя Айлиэн Кэмерон подошла бы к этой стайке дамочек и сказала что-нибудь приветливое и крайне язвительное. Моя первая реакция — достать что-то из взятого с собой оружия. Возможно, вес надежного лезвия в руке мог бы меня успокоить.

— Не глупи, — говорит Кэтрин. — Кроме того, мисс Стэнли мне всегда не нравилась. Однажды на уроке французского она обмакнула мои волосы в чернильницу.

— У тебя уже семь лет не было уроков французского. Господи, да ты, оказывается, злопамятная!

— Восемь лет. И за это время мое мнение о ней лучше не стало.

Она пытается обойти меня, но я двигаюсь быстрее и в спешке врезаюсь в стол с напитками. Китайские чашки звенят, ударяясь друг о друга, несколько блюдец балансируют на краю стола. Стайка дамочек замечает это и начинает еще громче перешептываться.

— Да ради бога... — останавливается Кэтрин. — Ты действительно собираешься просто стоять и пить пунш, пока эта ведьма ложно обвиняет тебя в...

— Кэтрин...

Она бросает на меня сердитый взгляд.

— Скажи что-нибудь, иначе скажу я.

Никто из них — включая Кэтрин — не догадывается, что сплетня лишь преуменьшена, а не ошибочна. За двенадцать месяцев я совершила ровно сто пятьдесят восемь убийств. И это число увеличивается практически каждую ночь.

— И что, по-твоему, мне делать в следующий раз? — спрашиваю я. — Ругаться с каждым, кто будет говорить то же самое?

Она фыркает.

— Это ужасная старая сплетня, которая скоро станет неинтересной. Люди, подобные мисс Стэнли, не дают умереть теме для разговоров, потому что тогда им нечего будет обсуждать. На самом деле никто не верит в эту глупость.

Я отхожу от стола. Бальная зала Хепберна заполнена группами людей, которые общаются, наслаждаясь напитками перед началом нового круга танцев.

С тех пор как я была здесь последний раз, к хрустальной люстре в центре залы подвели электричество. Фонарики парят практически под потолком, стеклянный корпус каждого из них изысканно декорирован в оригинальном стиле. Когда они проплывают над толпой, слышен жужжащий механический звук. Тени, отбрасываемые витражным стеклом, играют на обоях с цветочным рисунком.

Пока я изучаю группы людей, одетых в нарядные платья и английские костюмы, в мою сторону поворачивается не одна голова. Их взгляды тяжелые, оценивающие. Похоже, для тех, кто присутствовал на моем дебюте, я навсегда останусь той, кем была в ту ночь, — девушкой в крови, которая не могла ни говорить, ни плакать, ни кричать.